

роман
Жила Чеховская

Три ангела

16+

Мила Чеховская

Три ангела

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50709759

SelfPub; 2020

Аннотация

Ни при каких обстоятельствах не следует терять надежду. Для Альки Надежда – свет, который никогда не угасает. Это неуловимое чувство, которое вопреки всем доводам рассудка убеждает не сдаваться. Череда неудач, чувство отчаяния, а в противовес – счастье, нагаданное ей случайной привокзальной цыганкой...., но все ли так просто? Даже оказавшись в сложной и запутанной ситуации наша героиня не теряет веры в собственные силы. Может ли любовь и оптимизм, надежда и вера вдохновить ее начать новую жизнь?

Содержание

1	5
2	9
3	12
4	15
5	19
6	21
7	25
8	29
9	31
10	37
11	41
12	45
13	51
14	56
15	65
16	70
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Истинное исцеление можно обрести, если помнить о целостности.

Дипак Чопра

Часть 1

1

Алька шла по вечернему городу, по центральной его улице. Уже вечерело. В ее руках чемодан и сумка. Она вернулась в родной город, где родилась, росла, выросла, но отсутствовала последние три года. У нее был отрешенный вид, и шла она «шаг вперед, два шага назад», как в известной работе В.И.Ленина. С каждым шагом ноги становились словно ватные. Уже виден ее дом, темные окна, где когда-то жила счастливая семья. В ее 20 лет ей кажется, что уже 40. Она поймала себя на мысли позвонить школьной подруге Любке, и уже вместе с ней зайти в свою квартиру. Это ее немного взбодрило, тем более что резко потемнело, подул сильный ветер. И не мудрено, ведь на дворе май месяц и надвигается первая весенняя гроза со всеми вытекающими последствиями. Все вокруг соответствовало ее настроению. Она вошла в подъезд, поднялась на второй этаж, позвонила в квартиру, которая находилась в центре. Альке открыла дверь их соседка, баба Даша. Ей за 70, и Альку она знает со дня ее рождения. Увидев Альку, всплеснула руками, словно птица крыльями, быстро-быстро не то заговорила, не то запричитала, не обошлось и без слез, да с такой искренностью, что невольно и Алька захлюпала носом, но не заплакала. Успокоилась баба Даша так же быстро, как и заплакала, провела в комнату, стала хлопотать над чаем. Обе умышленно не заводили

разговора о главном. Тут Алька, вспомнив о Любке, вышла в коридор позвонить ей. Баба Даша – ветеран войны и труда. Она в прошлом медсестра, и в связи с этим ей была позволена такая роскошь, как телефон.

Любки дома не оказалось, как сообщила ее мама, она убежала на танцы, но, как только появится, она ей обязательно передаст. Поговорив ни о чем еще пару минут, Алька вернулась в комнату, где ее уже ждал чай. Соседка ни о чем ее не спрашивала, и гостья была ей очень благодарна за это. Уже чаевничали больше часа, пора, как говорится, и честь знать, взять ключи от квартиры и уходить, но она все медлила, а соседка ее не торопила, знала, как для нее это мучительно.

– У тебя там не прибрано, я не знала точную дату твоего приезда, может, эту ночь заночуешь у меня?

Алька уже было согласилась, но тут прозвенел звонок в дверь. Прибежала Любка.

– Я даже звонить не стала, как от мамы узнала, что ты здесь, сразу сюда, – прощebetала Любка, кидаясь в объятия подруги.

Она быстро позвонила маме, отпросилась у нее, и, взяв вещи и ключи, они покинули гостеприимную хозяйку. Квартира Альки была рядом, но зашла она в нее не сразу и только после Любки, словно опасаясь кого-то или чего-то, что могло ее напугать.

В двухкомнатной квартире было все по-прежнему, как и

три года тому назад. Простота убранства и чистота перемешивались с какой-то печалью, и полным отсутствием какой бы то ни было жизни. Любка, как могла, отвлекала подругу бесконечным щебетанием обо всех и обо всем, при этом поделовому быстро застелила в большой комнате на диване постель, на кухне произвела ревизию. Результат неутешительный: в наличии в шкафу – одна бутылка водки и все. Она включила чайник, достала из своей сумочки пачку печенья «юбилейного», шоколадку. Этот набор давно вошел в привычку и согревал ей душу, так как Любка любила перекусы. Алька сидела ко всему безучастная, но Любке удалось ее расшевелить, и перед глазами подруги предстал следующий натюрморт: на столе лежали поломанная на кусочки шоколадка, раскрытая пачка печенья, стояли две рюмки и два бокала чая. Они уже выпили не одну рюмку водки, Любка изрядно опьянела, а Альку алкоголь не брал. Она выпила еще и еще, но бессонная ночь в поезде, дневная усталость, отсутствие нормального обеда все же сыграли свою роль: ей стало плохо, она еле успела добежать до туалета. Ей показалось, что выворачивает наизнанку, было так плохо и в то же время хорошо. Ее физическое состояние отвлекло от душевной боли, которая очень докучала уже давно, а главное – ее мучила бессонница. Но тут, как ни странно, стоило ей плюхнуться на диван, и она моментально уснула, успев сказать Любке: « Все завтра».

Алька встала рано, она не знала, как долго она спала, но

голова на удивление была ясной. Рядом сопела Любка.

– Пусть поспит, – решила она, – тем более что сегодня воскресенье, и на работу ей не идти.

Любка, окончив соответствующее училище, работала в связи и заочно училась в институте на экономическом. Личностью была целеустремленной и верной подругой. Тут встала Любка, накинула халатик, вышла на кухню и остолбенела, глядя на пустую бутылку и недавнюю выпивоху.

– Да-да, мне стыдно за вчерашнее, но не помню перед кем, – засмеялась Алька.

И это при том, что у нее жуткое отвращение к алкоголю. Тут ее взгляд упал на чайную чашку, которая когда-то была любимой маминой чашкой. Странно, подумала Алька, мамина чашка жива, а мамы нет уже 3 года. Папа умер месяц тому назад, где-то на Севере. Там он сидел в тюрьме. Узнала о его смерти неделю тому назад. Воспоминания нахлынули против ее воли.

2

Семья, где родилась и росла Алька, была самой обычной средне – статистической семьей. Жили очень дружно. Они с младшим братом росли в любви и неге до определенного времени. Отец работал прорабом на большой стройке, был на хорошем счету, не пил, не курил, был любящим отцом и мужем, слыл примерным семьянином. Мама была швеей, как говорят, от Бога. Сама была трудоголиком и дочь приучила к труду с детства, тем более что заметила у нее талант к рисованию. Еще учась в пятом классе, дочь могла нарисовать маме любой фасон платья, которое та вынашивала в голове, а красиво показать в рисунке не могла. В четырнадцать лет она уже могла заменять маму в некотором шитье. Альке шел одиннадцатый год, когда появился брат Славик. Иногда, когда мама после основной работы вынуждена была еще работать на дому, выполняя срочный заказ, Алька для Славика была и мамой, и няней, и сестрой. При воспоминании о брате слезы навернулись на глаза. Как же она соскучилась по нему! Завтра же поедет в интернат: как можно скорее надо забирать его оттуда. Из его скупых писулек она знает, что он тоже ждет ее с нетерпением, скучает и живет надеждой о той минуте, когда она заберет его. Она дома и не позволит больше разлуке находиться между ними. А еще надо срочно увидеть бабулю, маму отца. Из последнего письма она зна-

ет, что та приболела, но не жалуется на свою судьбину, не тот это человек, чтобы вот так запросто сдаться, отступить, спасовать перед трудностями. Жизнь ее закалила, но не сломила. Алькины мысли были прерваны Любкой с заявлением о желании плотного завтрака, но вне дома. Она подняла за руку Альку со стула, втокнула ее в ванную и дала ей десять минут на сборы. Сама быстренько стерла все следы «преступления» на кухне, напевая «...любовь кольцо, а у кольца начала нет и нет конца...», начала переодеваться, а когда Алька вышла из ванной, уже стояла у дверей, вертя в нетерпении ключи. Они решили позавтракать в кафе «Василек», куда иногда и раньше заглядывали, сбегая с последнего урока в школе. Фаршированные блинчики, салатик и чай проглотили не жуя. Алька и не знала, что так голодна. С Любкой ей всегда было легко. Вот и сейчас, словно и не было этих лет расставания. Она понимала ее как никто другой, после мамы конечно. Она не торопила ее расспросами, тем более что последнее время они редко писали друг дружке. У Альбины были ГОСы, серьезная дипломная работа, а тут еще угораздило влюбиться по самые уши. Зато сейчас она дипломированная швея и дизайнер готовой одежды в одном лице, а еще одинокая беременная женщина. И за что это все на ее хрупкие, еще не окрепшие и доверчивые плечи? Про беременность она решила пока промолчать, уж больно Любка выглядела счастливой щебетуньей. Видимо, весна и ее не оставила без внимания. Ближе к обеду, вспоминая од-

ноклассников, учителей, бродя по парку, они решили на какое-то время разбежаться. У обеих были еще дела.

3

Костик проснулся от запаха его любимого растворимого кофе, который был в большом дефиците. Огляделся вокруг. Всюду были раскиданы его вещи, которые выглядели очень дико среди чистоты и уюта комнаты. Из кухни запахло гренками, а вскоре в дверях появилась Юлька с подносом в руках и улыбкой во весь рот.

Юльку Костик знал давно, но был равнодушен к ней. Ему она всегда казалась легкомысленной, неуравновешенной и острой на язычок. Но как же он оказался в ее постели? Вчера в общаге отмечали день рождения Мишки. Было весело, а к середине вечера, кажется, добрая половина мужского населения общаги набилась в комнату, а некоторые даже с девчонками. Потом в коридоре начали танцевать. Костик увидел Юльку, она в прошлом была девчонкой Мишки и, видимо, по старой памяти решила его поздравить. Костик был один, он в очередной раз поссорился с Алькой. Она жила в соседнем общежитии, а так как одна девчонка из присутствующих – ее соседка по комнате, значит, Алька будет в курсе всего, что здесь произойдет. Костик, больше из-за выпитого сверх меры, чем желая, пригласил Юльку танцевать. Она тоже прилично выпила, видимо, еще была влюблена в Мишку, но по глупости своей все сама и испортила. Во время танца они шептались друг другу что-то на ушко, а потом испа-

рились. По пути они куда-то зашли, что-то еще пили, и вот теперь он мучительно вспоминает, насколько это возможно после вчерашнего, все нюансы прошедшей ночи. То, что она была бурной, он уже догадался по разбросанной одежде, по довольной Юлькиной мордашке и завтраку в постель. Мысленно он уже в женском общежитии у Альки и искал оправдание своему поступку. А вот Юлька напротив, казалось, была очень счастлива и хороша собой. А ведь, черт побери, она действительно хороша, как он раньше этого не замечал, и проживает в квартире, правда, с родителями и братом, а не в общежитии. Папа у нее на комбинате, где работает Костик, в начальниках. Стоп! А где же ее родичи, брат? Он соскочил с дивана, на котором они кувыркались всю ночь, и торопливо стал натягивать брюки, забыв при этом надеть трусы. Юлька, поняв его мысли, захохотала в голос.

– Родичей нет дома, они уехали в соседний город на свадьбу к родственникам вместе с братом. Будут только завтра к вечеру, а меня оставили на хозяйстве. Можешь снимать штаны и завтракай спокойно.

Костик не мог поверить своему счастью. И отдохнет вне общаги, и Альку проучит, а то взяла моду воспитывать его. Кто он ей, в конце концов? Ведь не муж же. Весь день они валялись в постели, смотрели телевизор, ели, дурачились. Ночь прошла в объятиях, поцелуях, любовных играх, была страстной и ненасытной, словно ночь молодоженов.

На следующий день Костик окончательно протрезвел от

вина и от бурной ночи. К нему вернулись мысли с примесью вины и раскаяния. И тут опять на помощь пришла Юлька.

– Костик, не парься, мы оба хорошо провели время, а на что еще дана молодость? Ничто так не мешает радоваться жизни, как сама жизнь. Знай одно – мы друг другу ничего не должны. А как сложится дальше – время покажет.

С тем и разошлись. Костик удалился на работу, а о вечере и Альке старался не думать. Нет, Алька умная девчонка, серьезная, но уж очень правильная. Шаг влево, шаг вправо – наказуемо. Юлька правильно говорит. На что же дана нам молодость: чтобы в старости было, что вспомнить, а серьезным он еще успеет стать. Эти мысли ему понравились больше, они его успокоили, настроение улучшилось. А тут и обед наступил. В комбинатскую столовую он вошел уже счастливым человеком, а еще вспомнил слова друга, что «жизнь нужно прожить так, чтобы стыдно было рассказать, но приятно вспомнить».

4

Анна Захаровна проснулась рано. Не спалось пожилой женщине, а раньше она могла в любую свободную минутку прилечь и сразу уснуть. Жаль, что свободных минуток было ой как мало. Но, несмотря на все житейские невзгоды и беспокойные времена, ведь за плечами война, послевоенные годы, она всегда выглядела моложе своих лет. Даже после похоронки на мужа оставалась спокойной, статной женщиной с гордой походкой, живыми лучистыми глазами. Только ночная подружка-подушка знала ее с другой стороны, да, может быть, сынишка, ее с мужем кровиночка, заставлял своим присутствием всегда быть в тонусе, не показывать, как же тебе порой хочется завить, зарыдать, дать волю чувствам. В такие минуты перед ней вставал образ мужа. Перед уходом на войну он просил беречь сына Пашку, и если что, быть ему за отца и за мать. Они мечтали иметь много детей, а вот ведь... Проклятая война, хотя предвоенные годы были тоже несладкими. Муж был военным инженером, занимался чем-то секретным. Они словно по лезвию ножа ходили, каждый прожитый вместе день за счастье почитали. Из их окружения мало кто не был арестован. Но это все в прошлом. Что уж теперь вспоминать. Да и сына уж месяц как нет в живых. Это очень подкосило ее, а надо успокоиться, настроиться на позитивную волну, ведь не сегодня так завтра должна

приехать Альбиночка, внученька любимая. Анна Захаровна ждала этой встречи и боялась ее. Одному Богу известно, как судьба могла распорядиться после событий трехлетней давности. Вот и Славика пришлось в интернат отдать. Так распорядились власти. За эти годы от Алечки всего и было писем десять, и те скупые. Анна Захаровна всегда знала свою внучку доброй и ласковой девочкой. Добротой и наружностью вся в отца, а вот деловитостью, целеустремленностью – в мать. Уж бесхребетной не назовешь. Славик же – вылитый мамин портрет, а характером в отца удался. Немного слабохарактерный, со всем, что ни предложишь, быстро соглашается. Да и то сказать, младшенький, в любимчиках был. Сын-то, Павел, в нем души не чаял. У самого детство послевоенным было, да еще без отца рос. Как ни старалась Анна Захаровна, а работе приходилось отдавать времени больше, чем сыну. Такое время было. Кругом одна. Работа была тяжелой, но почетной, деньги тоже имелись. Заработала однокомнатную квартиру, но большую и в хорошем районе. В парадном – широкая лестница, а в квартире – высокие потолки. По краям крыши – две красивые башенки. Его так и звали – «дом с башенками». Очень она любила свою квартирку и как могла, создавала в ней уют, чистоту и порядок. Сегодня неважно себя чувствовала, но решила сходить на рынок, купить, что-нибудь вкусненькое и приготовить обед, сердцем чувствуя, что будет гостя. Да и к Славiku надо съездить, не с пустыми же руками. Так за всеми хлопотами и не замети-

ла, что время к полудню подошло. Сколько лет одна, а есть в одиночестве не любила, да и аппетита совсем нет. Только решила прилечь, как позвонили в дверь. Сердце екнуло, Альбиночка. Сердце не обмануло.

– Внученька, слава Богу, дождалась, теперь и помереть не страшно.

– Бабуленька, здравствуй, прости меня, дуру черствую. Рано помирать, нам вместе Славика поднимать на ноги, да и меня неизвестно что ждет завтра, без тебя мне страшновато.

Справившись с первыми минутами встречи, убедившись еще раз, что они самые родные и нужные на свете друг другу люди, вытирая слезы, прошли в комнату.

– А у тебя все по-старому, ничего не изменилось, даже кошка-копилка на прежнем месте и слоники, – с грустинкой заметила Алька.

– Как же не изменилось, Альбинушка, а я, я совсем старухой стала. Держалась мыслями о встрече с тобой, да теплится надежда, что поживем все вместе. Ты, я и Славик. Слава Богу, дождалась.

Что бабуля сильно сдала, Алька не могла не заметить, но промолчала. В этом и ее есть вина. Бросила их и уехала, оставив с горем один на один. Думала только о себе, обвинив всех в случившемся.

Решено было долго не задерживаться, а после обеда ехать в интернат к Славiku, а потом к маме на могилку. Об отце пока не вспоминали, а уж позднее – как карта ляжет. Алька

представила, сколько срочных дел необходимо сделать, голова кругом пошла.

Она решила завтра же составить план и двигаться от пункта к пунктику, но главное – Славик. Надо срочно воссоединиться семье, вернее тому, что от нее осталось.

– Бабушку тоже не оставлю, – думала Алька, глядя на нее и в который сегодня раз поражаясь ее нездоровому виду. Еще совсем недавно была такой статной, даже моложавой, а сейчас совсем бабушка со всеми вытекающими последствиями. И тут у нее что-то екнуло внутри. «А ведь я – глава семьи и все-все мне надо решать самой». Но она уже знала, что все у нее получится, у всех все будет хорошо. Для этого она сделает все возможное и невозможное.

Интернат хоть и находился в живописнейшем месте, на берегу озера, у края смешанного леса, но выглядел серым, убогим, не жилым вовсе. Правда, затишье было недолгим. Видимо, закончилось время обеда, дети выбегали шумными стайками, большими и маленькими. До ужина можно было вволю нагуляться. После вчерашней весенней грозы с сильными порывами ветра восстановилась по-весеннему теплая погода, а воздух был таким свежим, что дух захватывало. Хорошо здесь, но безрадостно что-то на душе у Альки. И тут она увидела Славика. Он выбежал с каким-то парнишкой, увидел бабулю и остолбенел, наткнувшись взглядом на сестренку. Она заметила, что он вытянулся, повзрослел, особенно это заметно на фоне коротких рукавчиков курточки и брючишек. У нее защемило сердце, навернулись слезы. Кажется, вечность они стояли друг против друга, а потом одновременно кинулись в объятия. Их сразу обступили дети. Некоторые смотрели с любопытством, а некоторые с завистью. Алька чуть сознание не потеряла. Ей стало страшно стыдно. Вот она такая всегда честная, правильная, какой она привыкла себя считать, взяла и «смылась» аж на три года, сбежала, думала отогреться, отойти от всего пережитого вдали. А он, вот здесь, маленький, одинокий старичок, смотрит на нее снизу вверх, и, кажется, читает ее мысли. Тут подо-

шла бабуля, она была у заведующей интернатом, уговорила отпустить Славика хоть на недельку, но та отпустила лишь на три дня. Вскоре они отправились дальше по намеченному плану. Бабушка остановила такси, потому что туда, куда они направляются, автобусы ходят редко. Уже через тридцать минут они были на месте. На кладбище было очень тихо, спокойно, много зелени, все могилки в основном ухожены, но их было так много, что без помощи бабушки Алька с большим трудом нашла бы мамочку. Она похороны помнит смутно, все было как в тумане. Ей было настолько трудно осознать, что вот так, в одночасье, у них с братом не стало ни мамы, ни папы. Она никого не хотела видеть и сразу после поминок ушла ночевать к подруге, а на другой день та проводила ее на железнодорожный вокзал. Она поехала поступать в училище с мыслью, что если и не поступит, назад не вернется.

6

В училище она опоздала на несколько дней. Занятия уже начались, и прием закончен, тем более что недостатка в студентах здесь не было. На ее счастье к директору в момент этого неприятного для нее разговора зашла мастер по технике кроя и ждала окончания разговора, но неожиданно она задала пару вопросов девочке, затем еще и еще. Незаметно беседа приняла другое направление, из которого выяснилось, что Алька с шитьем на «ты», знает азы кройки, а рисунки платьев, которые она прихватила с собой, так заинтересовали педагога, что это решило исход дела в ее пользу. Впоследствии она стала любимицей Марии Егоровны. Мало того, уже через год все педагоги пришли к единому мнению, что практически она готовый специалист, но нужен диплом, а значит, учеба продолжается. Алька с головой ушла в учебу, ведь только так она могла заглушить боль, которая постоянно была в ней. Характером она обладала спокойным, уравновешенным, не – конфликтным, отзывчивым к чужим бедам, поэтому и недоброжелателей у нее не было. Кто-то завидовал тайно, кто-то очень тайно, но ее это не трогало, и постепенно от нее все отстали. На втором курсе она уже шила самостоятельно на заказ. Педагоги закрывали на это глаза, так как некоторые сами прибегали к ее услугам. Кому придумать фасон к платью, кому перешить, а кому и вовсе

сшить. Мария Егоровна нашла в этом и для себя большой плюс, так как считала, что она выучила такого специалиста, смогла же сразу распознать в незнакомой девочке незаурядные способности. Опять же об училище заговорили чаще и только хорошо, а это не мало. В общем, с этой стороны Алька жила – не тужила и всегда была при деньгах, а поскольку тратила очень мало, то даже прикопила. Она знала, что ее ждет впереди. Славику ни в чем не будет отказа, все самое лучшее – любовь, забота, уход. Она никогда не бегала с девчонками в клуб на танцульки, да и остальные развлечения ее мало интересовали. К тому же она считала себя далеко не красавицей. Фигурка, правда, ничего, а вот грудь маловата. Волосы были ее гордостью, а ноги могли бы быть и попрямее. Нос, на ее взгляд, великоватый, а губы слишком пухлые, брови широкие и вообще... Правда, окружающие не разделяли этого мнения, но ей было безразлично, в сущности, она была еще желторотым цыпленком, который рано созрел.

Уже на третьем курсе девчонки уговорили пойти с ними на танцы. Поначалу было непривычно, даже скучно, но тут ее взгляд встретился с проникновенным взглядом симпатичного паренька, который стоял в сторонке и внимательно ее разглядывал. Ей стало интересно, что же будет дальше. А дальше он пригласил ее на медленный танец. Они молча протанцевали, он проводил ее до места и ушел. Дома ее просветили, кто такой Костик и как многие девчонки вздыхают о нем, но, в общем, парень неплохой. Поговорили и забыли, а через

два дня у входа в общежитие ее ждал Костик.

– Привет, Аля.

– Привет, Костик.

– Уже просветили?

– Ну, да и ты не с пустыми руками пришел.

– Ты извини, на танцах как-то глупо себя вел. Не то настроение было, ты так неожиданно появилась, и я растерялся даже. Обычно я красноречивее. Может, погуляем или в киношку сходим?

– С незнакомыми мальчиками не гуляю.

– Вот и познакомимся поближе.

– Поближе – это как?

– Уж как придется.

– А это не со мной.

И она ушла.

Эту первую встречу Алька вспоминает часто. Потом, когда они стали встречаться «по-серьезному», Костик признался в том, что, если бы она согласилась пойти с ним гулять, он бы больше с ней не встречался. Как это проделывал уже не единожды. Ее отказ его удивил и заинтриговал. Потом она влюбилась очень сильно. Все кругом вдруг стало красивым, светлым, а главное – тяжесть на сердце ушла на второй план. На душе стало легче, когда почувствовала мужское плечо и отдалась без оглядки и остатка. Чем больше говорили о нем как не очень положительном герое, тем она старалась быть ближе и внимательнее к нему. Ей хотелось

быть ему и мамой, и сестрой, и любимой девушкой. Сначала его это забавляло, потом стал вести себя как «три в одном». Иногда – как капризный эгоистичный ребенок. Ничего этого Алька не хотела замечать до тех пор, пока не узнала, что беременна. Сначала была сильная растерянность, ведь вокруг одна неопределенность. А как же Славик? Его на второй план? Что скажет бабуля? Но тут вспомнила о Костике, ведь они почти муж и жена. Она ему сегодня же все расскажет, и они вместе подумают, как им дальше действовать, ведь не за горами их будет трое. Одно она знала точно: ни при каких обстоятельствах ребенку не навредит. Значит, судьба посылает ей еще одно испытание и она победит. Бабуля ее поймет, вот только Костик?

Славик не отходил от сестренки ни на шаг и все спрашивал, когда она его заберет совсем. То вдруг начинал беспрестанно рассказывать о Мишке, о своем самом верном друге, о том, как он его защищал от обидчиков, несмотря на то, что на год младше его. Они так подружились, везде вместе «не разлей вода». Бабуля все больше молчала, а у могилки совсем расклеилась, долго плакала. На обратном пути замкнулась в себе, стала как будто даже меньше ростом. Алька понимала и не трогала, ей и самой было хреново.

Уже вечером, когда Славика накормили и уложили спать, сели на кухоньке и разговорились.

– Бабуля, как ты себя чувствуешь? Уж не заболела ли?

– Нормально, солнышко, вот дождалась тебя и теперь все будет по-другому, надеюсь. Ведь ты не оставишь нас?

– Что ты, я очень виновата перед вами, но иначе я не могла. Мне нужно было время, нужен диплом. Через неделю начну искать работу. Мы будем не просто жить, а жить хорошо, даже отлично. Вот только оформлю все необходимые документы, чтобы вызволить Славика, а их, как я поняла, воз и маленькая тележка. У нас «без бумажки ты какашка», но мы прорвемся и заживем дружно и весело вчетвером. И никто нам не нужен больше.

– Аленький, а кто четвертый? Ты выходишь замуж? По-

чему молчишь, и когда он придет?

– Четвертый прибудет через 7 мес. И внесет в нашу жизнь большие перемены. Дело в том, что я немного беременна, аж два месяца, но это только мой ребенок, считай, что я его зачала без посторонней помощи, довеска к нему не будет и, пожалуйста, больше на эту тему мы говорить не будем.

Увидев у бабули наворачнувшиеся на глаза слезы, Алька вдруг сама расплакалась, а за этим обе в голос разрыдались. Успокоил обеих проснувшийся от их рыданий Славик, который, глядя на них, тоже заревел. Обе кинулись его успокаивать, опять укладывая. После пережитого за последние дни сон никак не шел к обеим. Через некоторое время Алька неожиданно для себя, или больше у себя, спросила тихо вслух:

– Как же так сучилось с нами? Почему с нами? Чем же мы разгневали Боженку? За что он нас так? И как же жить с этим дальше?

В ответ долгая тишина. Алька уж было думала, что бабуля уснула, но тут услышала глубокий вздох.

– Аленький, я тут как-то возвращалась от Славика и немного притомилась.

Шла через парковую зону, присела в парке на скамеечку отдохнуть. А мысли тут как тут и все больше вопросов, чем ответов, как и у тебя. Горько у меня на душе, ты еще перестала отвечать на мои письма и звонки. Скамейка большая, я и не заметила, что на другом краю сидел мужчина неопреде-

ленного возраста, неопрятного вида, в общем, бомж. Видимо, мои мысли были произнесены вслух, его заинтересовала моя персона. Он с моего позволения подсел поближе и ненавязчиво стал рассказывать о себе без всяких предисловий. И выяснилось, что он профессор, правда, в прошлом, если вообще профессора бывают в прошлом. Преподавал в Военной академии иностранные языки. И тут я заметила в его руках замусоленную книжку. Ты не поверишь, но он читал «Гамлета» в оригинале. Это все так не вязалось с его внешним видом, уму непостижимо. А все до банального просто. Человек по простоте своей не брал взятки за экзамены, был честен со студентами, вернее с офицерами, которые являлись студентами. Многие считали своим долгом, из самых светлых побуждений, пригласить его в ресторан. Их было достаточно, а он один. Далеко не сразу заметил свою привязанность к «зеленому змию». Поначалу был не согласен с уговорами жены и дочери прекратить походы в рестораны. Потом он прекратил, но стал пить дома. С работы пришлось уйти, а когда понял, что домочадцам он стал в тягость, ушел из дома. Дал себе слово, что вернется, когда бросит пить. Пока получается, но слабо, и вынужден спать где попало, есть что попало. Одна надежда: в его возрасте и при такой жизни он долго не протянет. И до такой степени мне его жалко стало, что пригласила его к себе домой помыться, отдохнуть, привести себя в порядок. Он пошел со мной, я его супчиком горячим накормила, помылся, постирался. Вечером долго с ним тол-

ковали о жизни. Ведь все правильно понимает о ней, о жизни, а вот в действительности все наоборот. Встал, значит, он утречком, и тихо так говорит, спасибо, мол, большое, но пойду, очень выпить хочется. Долго держался, а вчера разбередил себе душу разговорами о жизни, а где она – жизнь-то, одно существование, да и человеческим его трудно назвать. А если бы он брал взятки, как остальные, да постервознее был бы, глядишь, остался бы при должности, обогащался и оставался желанным и любимым.

Вот и сынок мой, Павел, отец ваш, ведь честнейшим человеком был, царствие ему небесное, добрым, отзывчивым, а вот случилось несчастье на работе, пострадал, стал инвалидом и никому не нужен стал. Не поддержало его начальство, отмахнулось, кому нужен калека, и перевели в инструментальщики – «подай, принеси». Обиду затаил, а, как известно, поселишь в себе обиду – поселишь вора. Все самое лучшее вынес из него этот воришка. Слабинка в характере привела к пьянкам, болезням, ведь сахарный диабет в здоровом теле жить не будет. Характера в нем не хватило, внученька, а человек-то он был золотой.

8

Хочется забыть, а не забывается. Алька все помнит в мельчайших подробностях. Родители были очень красивой парой, любили жизнь, своих детей. Спешили жить. В семье было заведено: пять дней рабочих, суббота – уборка квартиры, а воскресный день для семьи. Отец – заядлый рыбак, весельчак и балагур. Легко сходился с людьми. Но, как говорится, каждая хата горем напхата. Кончилась светлая полоса в жизни их семьи. Когда отец стал инвалидом, то вскоре превратился в угрюмого, раздражительного и нелюдимого. Напрасно мама старалась изо всех сил, поддерживала его во всем, всячески отвлекала от алкоголя. Когда не хватало на выпивку, на сторону стали уходить хрусталь, обручальные кольца. Последней каплей стало исчезновение двух отрезков ткани, принесенных клиентами для пошива платьев. Разразился скандал на кухне, где мама готовила ужин, она чистила картошку, в руках у нее был нож. Она плакала и кричала на отца, а он вообще не переносил слез и сильно нервничал, а главное, он ведь знал, что сильно виноват и от этого еще больше впадал в гнев. Он встал и хотел уйти, но мама преградила ему дорогу, у нее накипело и ей хотелось ему все высказать, пока он не сильно пьян. Он оттолкнул ее, а она, чтобы не упасть, взмахнула рукой, в которой держала нож. Рука задела дверной косяк, нож отскочил от него и за-

дел сонную артерию мамы. Она упала, когда он подходил к двери, но что-то его остановило, вернулся, а маме уже ничем помочь было нельзя. В одночасье не стало мамы, да и папы, ведь он вызвал и «скорую», и милицию. Сразу во всем признался, он и сам устал от такой жизни, не рад был ничему, а после смерти мамы жизнь потеряла всякий смысл. В тюрьме он запустил все свои предыдущие болячки, а через два года заболел туберкулезом легких, но лечиться не хотел. Детям он оставил письмо, где просил простить его, умолял дочь держаться вместе, беречь брата от всех невзгод, писал, что очень сильно их любит и не оставит их, будет наблюдать за ними даже из другой жизни.

Так, за грустными мыслями, она уснула. А завтра начинались будни и пора приступать к выполнению первого пункта ее большого жизненного плана.

На следующий день Алька забежала домой перекусить. Она и не предполагала, что каждая справка выдается на основании предыдущей, а предыдущая – при наличии первой. Везде очереди и серые безрадостные лица, да и сами чиновники, словно зомби от природы. Ну да ладно, подумала она, вот сейчас перекушу и пойду по поводу работы, а то опекунство и не оформят, имей хоть сто справок. За этими невеселыми мыслями застала ее Любка, у которой был перерыв на обед, и она решила его использовать с выгодой.

– Выручай, подруга! Завтра открытие «белых ночей», на улице не протолкнешься вечерами. Я тут с парнем познакомилась, отпад. Пригласил на свидание, а одеть нечего. Что делать?

– Сидеть дома.

– С ума сошла, а если это судьба, и, упаси Бог, она попадет в чужие руки?

– Если судьба, то только в твои. Ведь на днях зарплату получила, так что-нибудь купи ради судьбы себе.

– Алька, он кучерявенький. Знаешь, какие детки получатся. Жуть как кучерявых люблю, а денег нет. Тут с фарцовщиком меня имели неосторожность познакомить. Так моя заработная плата вся там.

– На что же хватило твоих капиталов?

– Духи «Клима». Зашибись, какой запах. Вместе будем пользоваться, потом из косметики – тушь для ресниц, губнушка, вернее две, тени, а главное – приобрела обалденную ночную сорочку из Прибалтики. Длинные рукава, рюши, правда, на два размера больше, но это же ночнушка. Еще приглядела отрез на костюм для маман. Скоро учебный год, а учителя ведь тоже человеки, но его еще не выкупила, надо с тобой, я в этом ни бум-бум.

– Ну, так и иди в этой ночнушке, раз фирма, то еще не скоро до всех дойдет, что это не платье.

– Смеешься, а мне не до смеха, и замуж до чертиков хочется, а тут кучерявенький. Нет, нельзя его упускать. Ведь не зря он пришел к нам подавать заявление на установку телефона, а я вообще должна была выйти на работу после обеда, и по просьбе сменщицы вышла пораньше. А ведь Надька-сменщица не замужем и на него точно бы запала. Выручай, ведь у тебя мозги в этом направлении работают, как ни у кого другого. Ну не в ночнушке же, правда, идти на первое свидание?

– А почему бы и нет? Говоришь, она велика тебе? Тащи ее сюда. Только вечером. Я бегу искать работу. Допивай свой чай и вперед, к «светлому будущему».

– Пока не очень, но очень хочется светлого и с кучерявеньким.

Уже во 2-м КБО (комбинате бытового обслуживания) Алька поняла, что на работу ее никто не примет. Как только

слышат, что беременна, сразу тон меняется, и в специалистах уже не нуждаются. Самое интересное в том, что без работы и денег при желании она сидеть не будет, но нужна справка с госпредприятия. Да, беременность немного некстати, но она не раздражала ее, а вот Костик сначала лишился речи, а затем стал уговаривать повременить с ребенком. Он с таким энтузиазмом стал убеждать ее, что они еще так молоды, а помочь им практически некому. Его мама еще молода и о внуках не думает, работой своей дорожит очень и не уйдет, даже если будет уверена на сто процентов, что внук ее. Да и не нагулялся он еще, а вдруг при очередной попытке поступит в институт? В этом случае родичи обещали поднатужиться и купить ему с рук машину. И что? На все наплевать?

– В общем, обещай, что пока с этим повременим, да и встречаться реже будем. Готовиться к экзаменам надо. В данный момент институт дороже.

Аля же думала иначе. Раз случилось так, значит так надо, а в себе она уверена. Не то чтобы она не знала, что ее ожидает впереди, с какими трудностями она столкнется, просто по-другому она не могла. А с работой что-нибудь придумает. И поспешила домой, к Славику, которого увидала во дворе сидящим на скамейке у детской площадки. Увидев ее, он обрадовался, но в глазах она заметила грустинку.

– Я думала, ты вспомнил своих товарищей и играешь с ними? Утром встретила Бориску тетьмашиного, сказала, что ты здесь. Разве вы не встречались?

– Я его видел, сестренка, но ему со мной уже не интересно. У него новые друзья, с которыми он меня не познакомил. Сейчас они на речку, а мне бабушка не разрешила, да и сам не очень-то хочу.

– Тогда пойдем домой, я испеку твоих любимых картофельных драников, а потом будем читать книжки.

Любка не заставила себя долго ждать, влетела, словно ураган, чмокнула Славика в макушку, стащила у него последний драник и сообщила:

– Звонил. Напомнил о завтрашнем свидании.

Счастье так и лилось из нее полноводной рекой, заполняя все пространство вокруг, даже бабуле передалось ее настроение.

– Ну, показывай свое богатство.

– Ты только, Аленька, не спеши с выводами, подумай, взвесь все до мелочей, вещь дорогая.

Щебеча, Любка уже прикладывала к себе свое сокровище.

Ночная рубашка действительно была хороша и цвет нейтральный, однотонный. Вот только рукава не про лето, да и выдают в ней реальность. Алька уже видела, как ее можно преобразить в платье.

– Ты хорошо подумала? Точно переделывать? Наверняка, если порыться, у тебя найдется, что одеть.

– Да, – очень нерешительно ответила подруга. А шмотки у меня все распределены. Два платья для торжеств. Есть миленький костюмчик, но я вчера в нем была, а юбка, сама по-

нимаешь, не для первого свидания. С кофточками напряг, с деньгами тоже. Да, Алька, какую шубку я у него видела, а еще кожаную курточку! В следующем месяце обещал джинсы привезти. Были бы джинсы, все проблемы были бы решены, но они наверняка неимоверно дороги. Как же мы порой зависимы от того, как выглядим, а так хочется выглядеть умопомрачительно. Одно успокаивает, несмотря ни на что, мы с тобой королевы!

Альке уже не терпелось остаться одной. Она уже мыслями вся в переделке, в творчестве, так сказать. У Любки тоже были дела, и вскоре она убежала, а та сразу за работу. Для начала необходимо убрать рюши, выпороть рукава, слегка собрать под грудью. Порывшись в маминой коробке, где та хранила все, что может пригодиться в работе, нашла моточек кружев широких и в тон им узких. Под грудью пустила широкие кружева, а узкие по спущенным рукавчикам. Сзади небольшой разрез. Главное, чтобы вульгарно не выглядело. В общем, провозилась до полуночи, а утром, разглядев, осталась довольна своей работой. Люба пожалует в полдень, а сейчас – продолжение бумажной волокиты и трудоустройство.

Увидев содеянное, Любка пару минут пребывала в шоке, а потом тихо спросила:

– А где моя ночнушка?

– Вернуть назад? Один час и все будет по-прежнему.

– Что ты? Очень даже ничего. Я, конечно, предполагаю.

ла... Ты гений, точно тебе говорю. А что с твоим лицом? Не выпалась?

– Да с работой ничего не получается, никому не нужна беременная швея.

– Кто беременная?

– Я беременная.

– Откуда? А когда твой Костик придет? Свадьба будет?

– Оттуда. Ни Костика, ни свадьбы, только я и мой личный ребенок.

– Понятно. Воспитывать будем вместе. Главное – не брать дурное в голову.

– А я и не беру. Мне срочно на работу устраиваться надо, затем опекунство на брата оформить, выволить его из интерната, а дальше жить пунктик за пунктиком.

– Как же я горжусь тобой, подруга, но мне пора. Побежала, все завтра. Обсудим, наметим, реализуем.

Пришло время везти Славика в интернат. У проходной их ждал Мишка. Они кинулись навстречу друг к другу, словно не виделись вечность. Але захотелось больше узнать о Мише, и с этим она зашла к заведующей интернатом, Марии Ильиничне. Оказалось, что он здесь уже около двух лет. Его родители погибли при невыясненных обстоятельствах в автомобильной катастрофе. Из родных у него дед и тетка по отцовской линии, но от деда получили письменный отказ, а тетку на тот момент вообще не нашли. От такой грустности на душе стало еще пакостней. Дома бабуля с Любкой пили чай с тортиком, который испекла ее мама. Глядя на Любку, Алька сразу поняла, что свидание прошло на ура. Вскоре бабуля уехала к себе, и пиршество продолжалось, пока не кончились тортик и рассказ о первом свидании с кучерявеньким. Оказывается, он инженер, в нашем городе по распределению, и уже выделили комнату в коммуналке, правда, еще ее не получил и временно третий год живет в общежитии. Зовут его Виталием.

– Ну, что, подруга, его надо брать. Кадр ценный.

– А я о чем? В общем, сажусь на диету, читаю классику, покупаю джинсы. Он жуть, какой умный.

– Вот только не понятно, как же он сохранился такой холостой до наших дней?

– Сама удивляюсь. Приглажусь к нему, может, закоренелый холостяк?

Уже уходя, вспомнила, что ее мама договорилась о приеме Альки на работу. Оказывается, одна зав. КБО – ее бывшая ученица.

Алька верить не верила своим ушам. Хоть одна хорошая новость за весь день. Она плохо спала ночь, а на утро явилась чуть раньше открытия предприятия. Здесь она еще не была, но тем лучше для обеих.

Зинаида Анатольевна, так звали заведующую, обладала тихим, вкрадчивым грудным голосом и приятной внешностью. Она Альке понравилась сразу, но разговор состоялся серьезным и начистоту. Оказывается, у руководителя будет масса неприятностей, если примет на работу женщину, заведомо зная, что она в положении.

– Я могу написать заявление по собственному желанию перед декретным отпуском заранее, и пусть оно лежит у Вас до поры. Мне действительно необходимо срочно определиться с работой.

– Оставим этот вопрос открытым. Утро вечера мудренее. Жизнь все расставит по местам. Многое будет зависеть от тебя. Договорились?

– Я буду стараться.

– Но тебе придется быть дизайнером, закройщиком и следить за пошивом. Справишься?

– Я буду очень стараться.

– Тогда сегодня в приказ, а завтра на работу, и уж потом нужная тебе справка. Устраивает? И, пожалуйста, не затягивай с медицинской книжкой. А сейчас можем пройти по комбинату, познакомлю с девочками. Коллектив у нас дружный, спаянный, плохие не задерживаются. Знаю, что у тебя не самый счастливый период в жизни, наверняка нужно будет время на оформление нужных документов. Мы все женщины, и я иногда закрываю глаза на отсутствие кого-либо на рабочем месте, но все должно быть аргументировано, в пределах разумного, а главное – работа не должна страдать. И еще, при необходимости задерживаться, а то и в выходной забегать на работу. Как ты на это смотришь?

– Положительно. Огромное Вам спасибо.

–Ну и чудненько.

Уже через неделю Алька освоилась основательно, работала с удовольствием, ее все устраивало, справки в интернат предоставила. В выходные забирает брата, а вскоре он покинет интернат совсем. Она этого ждала, готовилась, составила список первоочередных покупок, даже успела сшить Любкиной знакомой платье, а на эти деньги купила сладостей, которыми решила угостить ребят в интернате. И вот наступил этот день. Настроение было приподнятым, бабулю решила оставить дома, а сама направилась к заведующей, но та ее очень огорчила, сообщив, что дети бывают очень жестокими, и, узнав, что Славик уходит в семью, ночью поколотили его. Досталось и Мишке за компанию, чтобы не защищал

друга. Предстали оба перед ней изрядно потрепанными, но и обидчикам досталось на орехи. Алька, как могла, их успокоила, но неприятный осадок остался, а главное, ей жутко было представить расставание мальчишек. Ей стало не по себе.

Всю дорогу домой Славик приставал с расспросами о Мише и почему его нельзя было взять с собой.

– Славик, это было бы нечестно по отношению к нему. Мы его обнадежим, он будет нас ждать еще и еще, а готовы ли мы к этому?

– А давай будем готовы?

– До этого далеко, дорогой, мне надо оглядеться, поработать, да и тяжеловато мне скоро будет очень.

– Почему?

– Потому что у меня будет маленький, а я не замужем. Все хлопоты будут на мне, тебе и бабуле.

– Почему же ты не замужем? Он что, тебя разлюбил?

– Он просто не хочет маленького, считает, что слишком молод, испугался.

– Я тоже не хочу маленького. Лучше Мишку, с ним никаких хлопот не будет. Обещай, что в следующие выходные мы его навестим?

– Обещаю, но мы можем сделать ему больно.

Костик и не заметил, как уже месяц он встречался с Юлькой. Даже с родителями успел познакомиться, правда, инициатором была Юлька. Девчонка симпатичная, но очень самолюбива и эгоистична, не терпящая возражений, а настроение могло меняться по нескольку раз за вечер. Все чаще вспоминал Альку. Как она там? Простила ли его за то, что заставил избавиться от ребенка? А может, она оставила его, думал он, ведь упрямая, настырная девчонка, а еще очень самостоятельная. Чем больше раздражала Юлька, тем чаще вспоминал Альку. Даже местных девчонок, которые с ней учились, расспрашивал о ней.

У Юльки намечался день рождения, который решено было отметить на даче с друзьями. Родители во всем потакали милой дочурке. Отец завез все необходимое для празднования, выделил даже машину для дежурства у дачи на всякий случай. Было приглашено тринадцать человек, среди которых Мишка, бывший ухажер. Она объяснила это тем, что он для нее такой же гость, как и любой другой, да и пора им помириться. В конце концов, на свой день рождения она вольна приглашать кого пожелает. Это было очередной ее прихотью. Костик ехать не хотел, но поехал, а то подумает, что ревную, решил он, а это далеко не так. Мишка вел себя прилично. Большой знаток бани, он долго парился, мало пил и

был очень загадочным. Сначала в парную ходили парни, потом девчата, и так по очереди. Вечер продолжался. Уже прилично выпито, да и в парной очередь уже не соблюдалась, заходили все вместе. Шум, гам, веселье в полном разгаре. Вечер удался на славу, как и планировала Юлька. Вот только где она? Костик оглядел гостей и заметил исчезновение не только своей девушки, но и Мишки. Ему стало интересно, и он отправился в дом. За праздничным столом их тоже не было. Он хотел выйти в сад, но что-то его насторожило на втором этаже. Он там никогда не был. Ну что же, подумал он, заодно и интерьер поглядим. Уже наверху он понял, в какой из трех комнат находятся влюбленные, но заходить не стал, решил уйти, как вдруг услышал их голоса:

– О-о-балдеть, как мне всегда с тобой хорошо.

– Так давай поженимся, или все Костика мне не можешь простить?

– Он мне не конкурент, не готов я к семейной жизни, да и не уверен, что именно ты мне нужна в роли жены. При желании слиться в экстазе мы ведь всегда найдем и место, и время. Я больше люблю экстремальные ситуации, вот как сейчас. А будем мужем и женой, то какой экстрим? Вот с Машкой на прошлой неделе мы занимались любовью у ее соседки, пока та в садик за ребенком ходила, а Машкин муж через стенку готовил ужин. Ждал верную женушку с дежурства. Вот это кайф!

– Ну и сволочь ты, Мишка!

– Ну, уж какой есть, на базар не весть. Ну, а с Костиком у вас далеко зашло?

– Наверное, замуж за него пойду. Он не ищет на свою задницу приключений, да и родители молчат, только чтобы не за тебя.

– Во как! А что, и предложение сделал уже?

– Нужно мне его предложение, когда захочу, тогда и делает.

– Ты все такая же. Одеяло только на себя норовишь натянуть. Ладно, спускаемся. Жрать захотелось. Гони всех из бани, садимся за стол.

Костик уже был на улице, когда внизу услышал Мишкин смех в открытой двери и быстрые шаги в сторону бани. Юлька занималась реставрацией праздничного стола.

Самое интересное в том, что он не испытывал ни ревности, ни горечи, ни желания набить морду Мишке. Он чувствовал себя каким-то одушевленным предметом, которым все привыкли манипулировать. На самом деле ему и с Алькой было хорошо, пока она не «залетела», и с Юлькой не напярк. И зачем его черти понесли в дом? Получается, что я амеба какая-то. Надо сесть и на трезвую голову взвесить все «за» и «против». Если готов вкалывать, учиться в институте, как хотят от него предки, то это с Алькой, а если жить тихо и спокойно, если конечно не лезть в дебри, то с богатенькой Юлькой. Живя с ней, можно и ему, в конце концов, завести себе какой-нибудь экстримчик.

Размышляя, он и не заметил, как к нему подошла Юлька, и вздрогнул от ее прикосновения.

– Вот ты где? Я тебя ищу-ищу. Думаю, уж, не с кралей ли ты какой-нибудь. Да вроде бы все парами.

– Нет, конечно, если, правда, с Мишкой только? Он один без пары, но я мальчик правильный.

Юльку это сильно рассмешило, она еще долго смеялась.

Глядя на грустную мордашку брата, Алька не могла забыть его слова о том, что Мишка для него важнее маленького. Она, конечно, не принимала это всерьез, она знала, что, как только появится малыш, он полюбит его всей душой, но вот Миша? Он стоял у нее перед глазами постоянно. Ей было жалко его до боли в сердце, но что она может? Да и не потянет она троих, а своя личная жизнь, ведь она тоже имеет право быть. На себе тоже рано ставить крест. Пока одни проблемы, как снежный ком, наваливаются. Поговорила обо всем этом с бабулей, та ее убедила, что, мол, время все лечит, все рассудит и по местам расставит. На том и успокоилась.

Ближе к выходным Славик уже готовился к поездке в интернат. В интернате их ждали неприятный разговор с заведующей и синяк под Мишкиным глазом, который лишний раз говорил о том, как нелегка его жизнь здесь.

– Альбина, ну предположим, я разрешу Мише погостить у вас выходные, я отлично понимаю, что у нас нет возможности вывозить детей на экскурсии, водить часто по зоопаркам, гладить каждого на ночь по голове, искать индивидуально к каждому подход. Я даже не имею право иметь любимчиков, а Миша один из них. У нас все коллективно. Стоит кого-либо выделить, как его вскоре поколотят. Это жизнь закрытых учреждений, здесь своя «кухня». Я понимаю ваш порыв, да-

же привязанность к этому мальчику, скажу больше, я даже подыскиваю ему семью, даже уже наклевывается что-то. После вашего ухода он ищет темные углы и плачет, а потом его поколачивают. Это может поломать мальчика, и неизвестно кем он вырастет, даже гены не помогут. Ведь серьезных намерений у вас нет, а раз так, необходимо убедить Славика не бывать здесь часто, а на праздники, уж так и быть, я его буду опускать под вашу ответственность. Договорились?

– А если эти серьезные намерения имеются?

– Голубушка, у вас неполная семья, вы сами еще ребенок, в сущности, и с ребенком на руках.

Про себя Алька добавила – и с ребенком в животе.

– По закону вам его не получить.

– Так что же делать?

– Потихоньку забывать сюда дорогу. Все, Бог даст, и утрясется. А я в меру возможностей послежу, чтобы его меньше обижали. Он добр душой и сильный духом, справится.

Алька так и не смогла затронуть эту тему с братом, отложила до выходных, а в выходные заведующая попросила выйти и поработать со срочным заказом. Это ее в какой-то степени даже обрадовало, а как быть со следующими выходными?

Среди недели Зинаида Анатольевна вызвала ее в свой кабинет, где сидела женщина средних лет, очень привлекательной внешности, ухоженная.

– Алечка, это Ада Семеновна, прошу любить и жаловать.

Аде Семеновне скоро предстоит поездка за рубеж, и необходимо немного обновить гардероб. Вот у нее два отреза, в мыслях уже имеются фасоны. У меня к тебе просьба: взять этот заказ под свою личную ответственность от начала до конца. Ты согласна?

– Согласна.

– Ну и чудненько. Ты пока ступай и возьми все необходимое для работы с клиентом. Я отдаю в твое распоряжение свой кабинет, а сама съезжу по делам, которые не терпят отлагательств.

Как только за ней закрылась дверь, Ада Семеновна воскликнула:

– Зинаида Анатольевна, голубушка, вы уверены, что эта девочка справится с моими требованиями? Ведь у меня сроки, два сложных фасона и ткани особенные. Есть ли у нее практика работать с шифоном и атласом?

– Ада Семеновна, уверяю Вас, не стоит беспокоиться. Вот сама, пожалуй, не взялась бы, а в ней уверена.

– Ну не знаю, Зинаида Анатольевна, если только под вашу ответственность. Пожалуй, рискну, но ведь девчонка совсем.

Ткани Альке понравились очень, а фасоны не очень. Что делать, подумала она, только ткань испорчу.

– А кто вам порекомендовал эти фасоны?

– Из журнала «Бурда Моден», я его захватила на всякий случай.

Случай действительно не простой, а сложный, подумала

Алька и решила начать с рисунка.

– А можно я нарисую свои варианты, потом сравним и выберем, что вам больше понравится?

– А что вас настораживает в моем выборе, на мой взгляд, очень даже ничего.

– Дело в тканях. У вас шифон, он не любит много сечений, а значит швов. Потом у вас крупный рисунок, а это тоже обязывает к другому подходу. Вот смотрите, а если сделать так, – и она стала рисовать новые фасоны.

Аду Семеновну заинтересовало предложение девушки, она подседа поближе, исчез некий сарказм. Вот ведь девчонка, а как обставила все. После согласований по первому отрезку перешли ко второму, где к фасону претензий не было, но ткань двухсторонняя, и с выбором заказчицы лицевой стороны Алька согласиться не могла. Она смогла убедить ее и в этом. Примерку наметили через два дня. Заказчица была симпатична Альке. За напыщенностью и высокомерием скрывались человечность и порядочность. Ей очень хотелось, чтобы работа удалась как никогда и понравилась Аде Семеновне. Она, кажется, вложила частичку души. В итоге была вознаграждена Адой Семеновной по достоинству: кроме благодарности та заплатила двойную цену, где вторая половина предназначена была лично Альке.

Зинаида Анатольевна тоже осталась довольна. Престиж предприятия рос. Одна Ада Семеновна чего стоила.

А дома Славик с нетерпением ждал выходных, чтобы на-

вестить Мишу. Алю все это очень пугало, но что она могла сделать, кроме как в очередной раз ехать в интернат. В подарок купили конструктор самолетиков, это любимое хобби Миши, но подарку он не обрадовался. Оказывается, кто-то поломал все его предыдущие работы, а рубашку, которую подарили ему в прошлый раз, носил другой мальчик. Надо что-то предпринимать, подумала Алька.

– Сестренка, ну неужели ты не понимаешь, что здесь всем фиолетово до нашего Мишки, даже нам.

Аля панически искала выход из создавшегося положения, но тщетно. Она приняла для себя решение и хоть сейчас готова была забрать его отсюда, зная, какая это колоссальная ответственность, а впереди еще грудной ребенок. Даже если будет работать как проклятая, чтобы были деньги, и тогда голыми полками магазинов детей не накормишь. Огромные очереди, дефицит всего, начиная с шампуней, стирального порошка и кончая элементарными повседневными продуктами питания, просто порой убивали. Она решила посадить мальчиков перед собой и поговорить откровенно с ними обо всем больше от безысходности, чем, как ей казалось на тот момент, от здравого умысла. Мальчишки слушали очень внимательно, не проронив ни слова. После окончания разговора Миша тихо сказал:

– Я знаю, что это невозможно, мне Мария Ильинична объяснила. В среду были люди, которые меня хотят усыновить. Они мне говорили, что сильно во мне нуждаются, дали вре-

мя подумать, приедут еще, но я не хочу и никогда не захочу, лучше здесь останусь.

– Я тоже здесь останусь, с Мишкой. Я не хочу, чтобы его колотили.

Почти всю ночь Алька проплакала, но выхода так и не нашла. Утром поняла, что и Славик не спал и тоже плакал. Главное, чтобы не разочаровался в любящей его сестре.

Только на работе она забывалась. Работы много, но это ее не пугало, здесь Алька, словно рыба в воде. Немного раздражало только то, что еще не была у гинеколога, не встала на учет, но, слава Богу, беременность протекала хорошо. Животик уже слегка округлился, и постоянно хочется чего-нибудь вкусенького. Пусть будет девочка, она часто в мыслях мечтала об этом. Дела постепенно вытесняли мысли о Костике. Наверное, была страсть, а уж потом что-то среднее между любовью и ненавистью. За этими невеселыми мыслями ее застала Ада Семеновна, которая, стоя в дверях, уже минут пять наблюдала за ней.

– Аля, почему хмурая? Что-то гложет тебя? С мальчиком поссорилась?

– Ой, Ада Семеновна, я очень рада вашему возвращению. Как съездили, что нового в мире?

– Да все у меня до противности хорошо. Не увиливай, колись, что тебя гложет? Ты со мной по-простому, по-бабьи. Я думала, мы сдружились с тобой.

Напряжение последнего времени, возникшие проблемы, как снежный ком, до такой степени перенасытили, а открыться, спросить совета не у кого. Бабулю переполняет жалость к ней, а Любку сейчас вообще трогать нельзя. Она настолько увлечена Виталием, что просто не услышит ее.

Этот шуточный тон, интонация в ее голосе, а в Альке словно пружина была внутри. Она все скручивалась, скручивалась, и, видимо, достигнув предела, лопнула. Помимо ее воли, с ней случилась самая настоящая истерика. Ада Семеновна растерялась, даже испугалась, но вскоре смогла взять себя в руки. Она обняла, прижала ее к себе, стала гладить по голове, потом, налив стакан воды, уговорила выпить успокоительную таблетку, упаковку которых всегда носила с собой. Немного придя в себя и успокоив ее, она сказала:

– Рассказывай.

И ее понесло. Ей неважно уже было, кто перед ней, главное – слушали и не мешали. Сначала рассказ был сбивчивым, она то говорила о сегодняшнем дне, то возвращалась на годы прошедшие. Заглянула Зинаида Анатольевна, но Ада Семеновна сделала ей знак не мешать и тихо закрыла дверь на ключ. После того, как Алька выговорилась, они еще некоторое время молчали.

– Я думала, что ты еще, в сущности, девочка, у которой расстроилось свидание или что-то в этом роде, а передо мной взрослая женщина с непростой судьбой. Сколько же тебе пришлось пережить, но ты умница, со стержнем. Тебя так просто не сломаешь, и мне почему-то кажется, что все у тебя будет здорово, просто иначе и не может быть. Надо же, не один раз была в интернате с благотворительностью, знакома с Марией Ильиничной, и конечно детей видела, но какими-то поверхностными, что ли, были эти визиты. За бы-

товыми проблемами дети не просматриваются, а ведь каждый ребенок – отдельная судьба. Я тебе очень благодарна, девочка, ты на многое открыла мне глаза, и мы обязательно вернемся к этому вопросу, когда вместе посетим интернат.

Прощаясь, Ада Семеновна вспомнила о причине своего визита. У нее была просьба принять ее знакомую, и если это возможно, то у себя дома.

– Пусть это будет твоя первая удачная клиентка.

– Хорошо. Спасибо, – только и могла ответить Алька. Она еще слабо соображала.

– И, пожалуйста, выпей еще одну таблетку, у тебя, возможно, скоро разболеется голова.

Так и случилось. Дома ее ждала Любка. Гневу ее не было предела.

– Представляешь, подруга, час отстояла в очереди за шампунем, давали по два в руки, а за три человека – кончился. Тут бабы такой хай подняли, до завмагазином дошли. Выкинули еще одну коробку, так уже по одной штуке давать стали. Оставлю тебе, у меня с прошлого раза осталось. Маман на днях опять у книжного магазина ночевала. Отмечались каждые три часа, даже, говорит, костер жгли, чтобы не замерзнуть. Уж мне эта книгоманка.

– Тетя Света, сколько ее помню, всегда была книгоманом, разве это плохо?

– Это хорошо, но не стоит ночных дежурств и давок при открытии магазина. Вчера ходили с Виталием к его друзьям,

смотрели фильм, кажется, американский. Я одного понять не могу, нам все с малолетства вдалбливают, что там каждую минуту убивают, насилуют, а газоны у них все искусственные. Капитализм, короче, загнивает, а мельком показали огромный продовольственный магазин, так мы три раза возвращали эти кадры, чтобы полюбоваться обилием продуктов. Люди все веселые, лица улыбочивые, наверное, им нравится, что их бьют, насилуют каждую минуту и все везде искусственное. Хоть бы недельку позагнить вместе с ними.

– Люба, успокойся, хорошо, что сейчас 81-й год, а не 37-й, а то ты бы уже здесь не стояла. И запомни, палкой обуха не перешибешь.

– Нет, подруга, когда же мы, наконец, построим это наше светлое будущее? И где же эти пресловутые закрома Родины? Хоть одним бы глазком посмотреть. В общем, моим чувствам нет предела. Одно радует меня, кучерявенький. Вчера заскочил за мной на работу, так у Надьки до сих пор, наверное, челюсть отвисшая.

– Видишь? Не все так плохо. Мне бы твои проблемы. Ты ткань для мамы выкупила? Дальше со временем будет напруг.

– Да взяла у меня деньги и спустила на книги свои. Пусть ждет следующей зарплаты, хотя по плану у меня джинсы, да и зима не за горами. И о чем только думает?

– Платье-то не пора возвращать в ночнушку?

–Пока терпит. Ну, пока, подруга, побегу достраивать ком-

мунизм.

Уже поздно вечером, уложив Славика спать, лежа в кровати, Алька прокручивала этот день снова и снова. Какое-то необъяснимое чувство ее охватывало. Она поняла, что в ее жизни наступил кульминационный период.

Вскоре Альке предстояло познакомиться с Дилей, знакомой Ады Семеновны, которая, как оказалось, работала завскладом на продовольственной базе. Диле немного за тридцать, среднего роста, слегка полновата, но такая легкость в движении, а главное – с очень живыми глазами. Очень энергичный и позитивный человек. Везде, где она, жизнь просто кипит. При первой же встрече появилось ощущение, что знакома с ней сто лет. Будучи человеком инициативным, везде и сразу брала бразды правления в свои руки. Первым ее условием был переход на «ты», за чайком поболтали ни о чем, который, кстати, она же и принесла, а также коробочку необыкновенно вкусных шоколадных конфет. Свое желание шить на дому, она объяснила тем, что это ее давняя мечта – иметь знакомую портниху, парикмахера и гинеколога. У нее есть швея, но Ада Семеновна так хвалила свою новую знакомую, что Диля тоже решила что-нибудь сшить у Альки. Она сразу определила, что хозяйка беременна, даже какой срок и что будет девочка. Сама она в разводе и воспитывает дочь десяти лет, такую же красавицу, как сама, и обещала познакомить с ней Славика, чем сильно смутила парня. Но самое главное, она предложила рассчитывать за работу продуктами, зная, что на все жуткий по тем временам дефицит. Сообщила, что с прежней портнихой они сотрудничали на этих же услови-

ях, тем более что ей это абсолютно не сложно. Приехала она без ткани, так как хотела, чтобы Алька помогла ее выбрать, а для этого необходимо просто съездить с ней на склад тканей, с завскладом она уже договорилась. На следующий день уже на складе Алька долго не могла прийти в себя от изобилия не только тканей, но и всевозможной фурнитуры к готовым изделиям, крючкам, замочкам и прочим необходимыми вещам. Ей предстояло выбрать ткань для работы и для торжеств. На какое-то время она даже забыла, зачем здесь, но, немного освоившись, вспомнила и приступила к поиску. Главное, ее никто не торопил.

Диле для работы порекомендовала сшить двойку из шотландки, люрекс для торжеств, и еще не могла глаз отвести от цветного капрона, который был трех оттенков, а букеты роз, словно живые. Такой красоты в магазине никогда не встретишь, подумала она, с трудом отводя от ткани глаза. Диле капрон тоже понравился, но Татьяна, товаровед, объяснила, что ткань еще не оприходована и на нее даже нет пока цены. Она сопровождала Альку на складе повсюду, прислушивалась к ее советам, рекомендациям по той или иной ткани. За какой-то час общения они успели затронуть не только эту тему. Они нашли друг в друге много общего, кроме прочего, Татьяна старше Альки всего на два года и являлась еще молодым специалистом. На базе она еще не обзавелась близкой подругой, а если честно, исходя из специфики их работы, существовало негласное правило, на работе никаких по-

друг. Алька ей понравилась простотой, рассудительностью, и, чтобы ее еще задержать, она ей показала всякие диковинки к готовым вещам, пряжу, от которой у той дух захватило. Это было выше ее сил, и, пожалуй, день за последнее время оказался самым счастливым. Словно в музее побывала, подумала Алька, и только за пределами базы поняла, сколько прошло времени. Она пулей рванула на работу, а там ее ждал еще один сюрприз. Звонила Ада Семеновна и просила перезвонить, как только появится возможность. Оказывается, ей необходимо срочно выехать в Москву, но по приезде они сразу наведаются в интернат, и если она не передумала забрать Мишу, то попытаются все уладить в их пользу. Поистине счастливый день! Правда, немного омрачило объявление о субботнике, которое появилось рядом с плакатом: «Все на благо человека, все на благо народа!» У Альки такие грандиозные планы на субботу намечались, плюс большая стирка, ведь в воскресенье в интернат, а еще поработать над фасонами для платьев Дили. Тут вспомнился недавний разговор с Любкой о том, что Костик должен знать о беременности. Он отец, настаивала она, а там, как его совесть подскажет. Что делать? Ладно, решила Алька, вот рожу, немного встану на ноги и сообщу, чтобы не думал, что чего-то от него жду. Мне от него ничего не надо, обойдемся, не хуже других жить будем, в лепешку расшибусь, а детей на ноги поставлю. Вот только субботник выбил из колеи, такие планы рухнули.

Вечером на часок забежала Любка, тоже раздосадованная

из-за субботника.

– Ну что за жизнь? Страна вечного субботника. Никакой личной жизни. Интересно, а в капстранах тоже такая бяка бывает? Или им некогда заниматься такой ерундой? Они гниют себе потихоньку в изобилии, и не знают, как это – сахар, масло, мясо по карточкам покупать, да еще при этом в очередях давиться.

– Что-то ты часто закордонников стала вспоминать. Завидуешь? Просмотры заграничных фильмов не идут тебе на пользу. Не зря они запрещены. Ведь жизнь от этого не легче.

– Виталий говорит, что мы не живем, а существуем, просто сами об этом еще не знаем.

– А ты живи своим умом, а не его.

– Ну да! У нас ведь почти от каждого по способности, каждому по потребности. Вот Виталий, отличный инженер, недавно внес рационализаторское предложение у себя на работе, которое как воздух необходимо предприятию, а его вызвали в партком, профком и культурно объяснили, чтобы рвение свое поубавил, если и дальше хочет здесь работать. Он с горя бутылку «Агдама» выпил за вечер и хмурой всю неделю ходил. Ну, где справедливость? Ведь не для славы старался. Он вообще уверен, что свет в конце туннеля появится с исчезновением коммуняков.

– Ты еще где-нибудь такое не ляпни, а то себя, да и Виталия своего погубишь.

– Что ты, я ведь только с тобой. Да ну всех к чертям со-

бачьим! Вот отгрохаем коммунизм, и заживем королевнами. Ох, уж у меня этих потребностей накопилось, ужас, как много! – засмеялась она.

– А мне бы Славика одеть к зиме, бабулю подлечить, а то что-то совсем сдавать стала. С Мишей бы разрулить вопрос в нашу пользу.

– Ну не двужилная же ты, подруженька? Не взваливай непосильную ношу, надорвешься.

– Не надорвусь, а иначе не прощу себе этого никогда. Уж больно паренек хороший, со стержнем и на Славика положительно влияет, а ведь на год младше его. Даже не знаю, кто кому больше нужен. Если все срастется в этом направлении, чувствую, все встанет на свои места.

– Ну-ну, тебе видней, только на замужестве сразу ставь крест. Так в девках и останешься.

– Вот это-то точно уже не про меня, – засмеялась Алька, поглаживая свой слегка округлившийся животик. Через неделю – день варенья, двадцать один годок стукнет, хоть как-то надо отметить. Приходи с Виталием. Наверное, пора уже познакомиться нам?

– Ой, Альчик, если не против, то пожалуем обязательно. Это ведь в субботу? Я тебе помогу, посмотрю, что у меня с припасами, выкарабкаемся, не горюй.

– Не надо, я все сделаю сама.

– Как скажешь, дорогая, но если что, я с превеликим удовольствием, ведь ты меня знаешь!

– Договорились, да я и не сомневалась в тебе ни секунды никогда!

Уже конец сентября, скоро жизнь изменится до неузнаваемости. Какой она будет, зависит только от того, как она к ней подготовится. Нужны денюжки, много и стабильно поступающие. Значит, работать, работать и работать, как учил Великий Ленин, как учит Коммунистическая Партия. Нужны клиенты. Нужно в корне меняться самой. Быть смелее, решительнее, напористее.

Свой день рождения она решила отметить на широкую ногу, а там – будь что будет. Она делает себе вызов.

На примерке Алька поинтересовалась у Дили, что из перечисленных продуктов она может ей организовать. Та сразу поняла, что продукты необходимы для торжества, а узнав, что Альке исполняется двадцать один год, засмеялась.

– Это же совершеннолетие! Ты уже большая девочка и можешь позволить себе многое. Ладно, я сама подберу продукты, не переживай, в четверг все будет в лучшем виде, а ты со второй примеркой не подведи, а то как загуляешь! – засмеялась опять Дилия. – Ладушки?

– Еще какие! Спасибо, ты как светлый лучик в темном царстве.

И тут ее словно резануло что-то в живот. Алька ойкнула и присела. Побледнела, лицо покрылось испариной.

– Аля, я на машине. Давай помогу собраться, поехали к моему гинекологу.

– Нет, спасибо, уже лучше, да и Славик вот-вот вернется из школы.

– Ну, как знаешь, но показаться в любом случае надо. Мало ли.

Когда ночью это повторилось, Алька все же решила сходить к своему гинекологу. Врач ее отругала, что она не приходит на плановую консультацию, но и успокоила, сказав, что это переутомление и нехватка витаминов, особенно железа. Поздравила с первыми шевелениями ребенка. В целом беременность протекает нормально, только необходимо больше отдыхать. Казалось, какая малость – больше отдыхать, но если позволить себе это, то скоро можно ножки пустить по одежке. Алька глубоко вздохнула. Ее ждали «великие» дела и мно-о-ого нерешенных вопросов, которые решать надо как можно быстрее.

Диля не подвела. В четверг вечером приехала сама, а за ней мужчина с коробкой. Он молча поставил ее у порога и ушел, а через пару минут принес еще коробку, а потом еще и удалился. На немой вопрос Али- Диля засмеялась. Чего только не было в этих коробках, о существовании некоторых продуктов она даже не знала! Это и молоко в ж/б банках б/сахара, гречка, тушенка, колбаса двух видов. О Боже, два говяжьих языка, конфеты нескольких сортов, баночка икры, несколько баночек чешского пива, четыре бутылки «Токайского» и еще много вкусностей. Это то, о чем Аля и не мечтала.

– Дилия, но это все больших денег стоит, гораздо больше, чем стоит моя работа.

– Не переживай, я баба ушлая, свой интерес не упущу. Пусть это будет аванс в счет будущих заказов. Тем более что у меня просьба сшить моей кладовщице и ее дочери по платью. У второй свадьба через десять дней, а платье на второй день отсутствует. У нее гипюр. Ладушки?

– Хорошо. У меня отличный фасон именно для такого случая, а из гипюра вообще идеально будет.

– Вот видишь, считай, что ты уже рассчиталась за продукты. Ну, а как с моими примерками?

– Все готово. Можешь примерить, и если нет претензий, носи на здоровье.

– Да ладно! Без второй примерки?

– У тебя хорошая стандартная фигура, никаких проблем. У Дилии не было слов. Ткань идеально подобрана, работа не хуже. Она, довольная и счастливая, чмокнув Альку, заторопилась, ее ждала дочурка у школы.

Алька стала разбирать продукты, что для праздника, что для обедов и завтраков. Что-то приберегу для бабули, да и Любку угостить надо, она известная лакомка. Ей мама даже трюфеля делает иногда по какому-то невесть откуда появившемуся рецепту. Разбирая продукты, наткнулась на пачку макаронных изделий, которые выглядели, словно длинные тонкие паутинки. «Спагетти», прочитала на этикетке. Что за зверь такой? На всякий случай убрала, решив спросить у Ди-

ЛИ, КАК ИХ ГОТОВИТЬ.

Ада Семеновна не обманула, как приехала, на следующий день пожаловала в ателье, у Зинаиды Анатольевны отпросила Альку до обеда по личным делам. Та, естественно, не смела отказать в просьбе жене 2-го секретаря Горкома Партии. Ада Семеновна же повезла Альку сначала к своей подруге, Елизавете Ильиничне, домой, где после знакомства хозяйка предложила посмотреть фрагмент из фильма, насколько поняла Алька, иностранного. Она уже поняла, что попала не просто так и не в простую квартиру. Огромная, но очень уютная, она блистала не только чистотой, но и богатством убранства. В большой комнате, где находились они, на полу огромный ковер необычайной красоты, на стенах картины, хрустальная люстра и такие же бра. Точно такой же бра был когда-то у них. Мама его очень берегла, никому не позволяла трогать. Она говорила, что это подарок за хорошую работу одной знатной дамы, но, увы, его разбил отец, когда стал чудить.

Сама хозяйка выглядела по-домашнему просто, но со вкусом и недешево, с ухоженной головой и ноготками, а взгляд приветливый и добрая улыбка. Алька интуитивно зажала пальцы в кулак, маникюр она не делала ни разу в жизни, да и волосы были просто зачесаны в хвост, а ведь волосы всегда были ее гордостью. Она дала себе слово больше уделять себе

внимания. Ее размышления прервал голос Ады Семеновны.

– Лизонька, как у тебя настроение перед поездкой, волнуешься? Не каждый день мужа к награде представляют, да еще такой высокой.

– Да что ты, Адочка, вот уж нисколечко, это пусть мужа волнения посещают, но только приятные, а моя задача, чтобы оба выглядели хорошо. Ему уже все приготовлено, а по поводу меня, Вас, Алечка, я и пригласила к себе в гости. Уж извините меня великодушно, но другого способа не нашла, так как фасон, который мне очень понравился, вы увидите на актрисе из этого фильма. Она нажала на кнопку и перед всеми предстала актриса в роскошном бежевом платье. На первый взгляд, ничего особенного, но, приглядевшись, она поняла, что это не так. Вот актриса пробежала вперед, покружилась, словно демонстрируя красоту наряда. А платье-то с секретом, подумала Алька, вот только где ключик? Она попросила еще раз прокрутить эти кадры, а потом еще и еще, пока не разобралась во всех тонкостях фасона.

– Я знала Вашу матушку, Алечка, она была специалистом высшего класса, и если Вы дочь своей мамы, то у Вас все получится, во всяком случае, я на это надеюсь, вот и Адочка Вами восхищается. Если Вы беретесь, то разрешите показать ткань, а потом за чайком обсудим и другие, более важные, на мой взгляд, вопросы. Скажу сразу, мне нужно не броское, но в то же время необычное платье. На приеме будут иностранцы, и хотелось быть на высоте, но в импортном быть не хочу.

Это принципиальный вопрос. Надеюсь, Вы меня понимаете?

– Кажется, да. Вот только мне бы еще разок взглянуть на него.

– Это сколько угодно. Я отдаю эту кассету, только осторожней с ней, желательно не объяснять, откуда у Вас фильм.

– Естественно, даже не сомневайтесь на этот счет.

Алька уже перестала волноваться и удивляться чему-либо. Ее уже занимало платье, но вернул к действительности начатый разговор об интернате, о детках и, конкретно, о Мише. Странно, но вот сейчас, за чаем, возможно, решалась его судьба, подумала она.

– Алечка, уж извините, но я в курсе ваших проблем, Ада Семеновна меня посвятила, так как случай неординарный. Прямо скажу, что нет достаточных метров, отсутствует полная семья, сами еще очень молоды, а на руках уже есть один иждивенец и не за горами еще один. Нельзя сбрасывать со счетов и материальное положение.

– К сожалению, все это так, Лизонька, но ведь это временно.

– Да! Я полностью с этим согласна. Против этих минусов есть всего один плюс, но он перекрывает все – это огромное желание Миши жить с Вами и Ваше – взять его к себе. Я разговаривала с Мишей, с Марией Ильиничной и поняла, что против только наш закон и невзгоды повседневной жизни. Вы думаете, что жена 1-го секретаря Горкома Партии не видит пустых прилавков, очередей, нехватки элементарно-

го? Как же Вы собираетесь со всем этим справиться? А скоро появится маленький. Вы просто надорветесь, произойдет срыв, не будет ли Миша обузой?

– Все, что Вы сейчас говорили, это наша сегодняшняя действительность, но хочу верить, что только сегодняшняя. Я верю, что это временно и с годами будет легче. Я хоть и молода еще, но повидала всякое, и поверьте, это меня только закалило. У меня есть бабушка, которая в состоянии еще помочь при необходимости с маленьким, а что касается материальной стороны, то думаю, что с моей профессией без куска хлеба я близких никогда не оставлю. Отсутствие мужа только увеличит внимание к ним.

– Другого и не ожидала услышать. В общем, мы договорились с Марией Ильиничной дать Вам такой шанс. Короче говоря, пользуясь статусом первой дамы в нашем городе, я решила пойти на преступление, да-да, идя против закона, я тем самым совершаю преступление. Единственное, что меня успокаивает, это то, что Мише будет у вас лучше, а мальчик он чудесный. Скажу сразу, я периодически буду интересоваться судьбой мальчика, и не только интересоваться, но и вмешиваться при необходимости и помогать по возможности. А еще, Алечка, я прошу Вас, все, о чем мы сейчас говорили, пусть останется в этой комнате. Согласны?

– Абсолютно. Я даже не знаю, как благодарить Вас за понимание, доброту и чуткость. Я Ваша должница до конца дней своих, а за платье не волнуйтесь, постараюсь не разо-

чаровать.

– А я и не волнуюсь. Кроме того, у меня имеется пара вариантов. Просто выберу лучший. Вы смелая девушка, в Вас я вижу себя в молодости, но мне не удалось реализовать свои мечты в полной мере. Очень хочется в наше не простое, а порой даже тяжелое время быть востребованным, счастливым человеком, а что касается замужества, то здесь Вы не правы. Вдвоем, если конечно встретится порядочный человек, легче пережить любые невзгоды.

Ада Семеновна молчала, и только иногда кивала, соглашаясь с хозяйкой. Было заметно, что у них глубоко доверительные отношения. Как только поняла, что разговор подошел к концу, она оторвалась от телевизора, поставила чайную чашку на стол и встала, тем самым напомнив, что пора действовать, а не чай распивать.

Алька была на седьмом небе от счастья. Кажется, Фортуна начинает поворачиваться к ней лицом.

– А может быть, это мамочка помогает мне, ведь ей сверху хорошо все видно? – думала она, идя за Адой Семеновной, которая решила сопровождать ее в интернат.

В интернате жизнь по-прежнему протекала серыми однообразными буднями. Из кухни шел запах чего-то подгорелого и кислой капусты. Навстречу бежало несколько мальчишек в одинаковых сереньких лияных трикотажных штанишках, растянутых в коленках. Они прошли к Марии Ильиничне, а та словно ждала их, сразу велела привести Мишу. С Адой Семеновной она была услужлива, предложила чай, потом, воспользовавшись случаем, заговорила о производственных вопросах, при этом жалуясь на нехватку постельного белья, детских кроваток для самых маленьких, недостаточное обеспечение продуктами. Та ее внимательно слушала, иногда что-то записывая в блокнот. Зашел Миша, увидел Альку, глазенки засияли, и только усилием воли не кинулся ей на шею. О своем переезде он уже знал. С ним провела беседу Мария Ильинична, не скрывая, что это не совсем законно, но все идут им навстречу, считая, что так лучше. Если ему что – либо будет не по душе, милости просим назад. Когда Миша ушел за своими нехитрыми пожитками, заведующая напомнила и Але, что его отдают не совсем правильно.

– Думаю, все запятые в скором будущем ликвидируются, замуж выйдешь, жилплощадь увеличишь, девочка ты, видно, хваткая, ведь у меня тоже комиссии бывают, я своим местом дорожу, при всем к Вам уважении.

Последние слова, видимо, предназначались больше Аде Семеновне.

Из интерната Алька вышла, плача и обнимая Мишу, а уж как Славик будет рад, и представить трудно.

Шофер Ады Семеновны подбросил их к школе, где Алька сдала документы Миши, узнала, где его класс, а потом завезли его домой. Накормив их обедом, побежала на работу.

Но, видимо, так распорядились ангелы на небесах, и ее ждал еще один сюрприз. Девчонки сообщили, что ее вызывает заведующая. Наверное, отругает или чего доброго вспомнит об уговоре уйти по собственному желанию, входя в кабинет, думала она. Не дай Бог, это было бы так некстати. У Зинаиды Анатольевны в кабинете сидела бухгалтер, и обе говорили о ней.

– Ты, наверное, помнишь, тебя брали с испытательным сроком? Ты трудилась и как раскройщик, и как модельер, успевала некоторые вещи сама шить. Скоро ты уходишь в декретный отпуск, и, скажу честно, нам трудно будет найти замену, но надеюсь, ты вернешься к нам, тем более что с этого месяца зарплата будет увеличена на треть. Таким образом, и декретные получишь больше, и требуемая справка соответствует норме, а от себя лично хочу добавить, как дочери, – чем смогу – помогу. Понадобится любая машина в цеху, пользуйся, но не в рабочее время. Сторожу скажу, чтобы не препятствовал.

– Спасибо, я Вам очень признательна. Вы не представля-

ете, что Вы уже сделали для меня, да и не только. С такой теплотой относилась ко мне, наверное, только мама.

– Ну и чудненько. Ты хороший человек. Таким и испытаний судьба готовит больше.

На этой приятной ноте день не закончился. Вечером из продуктов, которые привезла Диля, она приготовила шикарный ужин, а именно: гречку с тушенкой, нарезала колбаски салями, мальчишкам открыла баночку клубничного компота, а взрослым – бутылочку «Токайского». Бабуля вся свети-лась, к ней потихоньку возвращалось хорошее настроение. Пришли Люба с мамой и соседка баба Даша. Правда, Миша был немного замкнутым, застенчивым, но Славик веселился и хохотал за двоих. Ужин удался, особенно чай с огромной коробкой конфет, которую подарила Ада Семеновна (и еще передала сверток от Елизаветы Ильиничны, сказав, что это крестнику). Алька поймала себя на мысли, что ей хорошо сейчас и ничуть не пугает завтрашний день, вот наступит он со своими проблемами, тогда и решать буду, решила Алька, а сейчас только радоваться. Она и предположить не могла, что, казалось, неразрешимая проблема с Мишей так благополучно завершится. Но завтра рабочий день, а значит, не засидишься. На прощанье соседку угостила пачкой цейлонского чая, редкость необычайная, а тете Свете отрезала колбаски кусочек. Она ее не жевала, а сосала, положит кусочек на язык и насасывает. Мальчишки давно ушли спать. На завтра наметили семейный совет, надо обсудить план жиз-

недеятельности, распределить обязанности каждого и права. Бабулю решено положить с собой. Она немного устала, но спать не шла, помогала Альке на кухне, явно ее что-то мучило весь вечер.

– Бабуля, ты себя как чувствуешь? Тебя все устраивает?

– Аленький, я хочу с тобой посоветоваться. Уже неделю думаю, думаю. Возраст, сама понимаешь, в карман не спрячешь, скоро у тебя будет маленький, мне каждый день не набегаться к вам, а если жить у вас, то очень тесно, даже кровать поставить некуда, а тут сосед снизу ко мне подходит и предлагает вариант обмена, да такой, что может решить нашу проблему жилищную. Он с женой и двумя детьми прописан и живет у тещи, правда, теща с младшей дочерью проживает и их своим присутствием не обременяет, но дети уже взрослые. Он выхлопотал себе четырехкомнатную квартиру в хорошем районе на втором этаже, но сын туда переезжать не хочет. Он вообще желает жить отдельно от родителей, да еще на этой площадке живет его заместитель. С ним он сам не хочет жить. Им очень нравится моя квартира, туда бы он сына заселил, дочь в твою, при условии, что она ей понравится, сами в тещиной, а мы – в его – новую. Он начальник, у него связи, благодаря чему обмен возможен. Сама понимаешь, как все сложно у нас. Ну, чего молчишь? Я понимаю, с пожилым человеком, даже с женщиной, жить в тягость, но глядишь, и я на что схожусь. А?

Алька стояла спиной к бабуле, мыла посуду, а слезы ду-

шили ее. Она бросилась к бабушке, сказать ничего не могла, плечи мелко тряслись. Никто не мог сказать, сколько они вот так, обнявшись, проплакали, но когда обе замерзли, Алька опять разогрела чайник, и за чаем, окончательно успокоившись, продолжили начатый разговор.

– Бабуля, конечно, это очень хороший вариант, но ты так любишь свою квартирку, сейчас такие уже не строят. Ты будешь скучать по ней, а мне будет стыдно, что позволила тебе это сделать.

– Что ты, внученька, я молю Бога, чтобы их дочери понравилась твоя квартира. Мне боязно только за мальчиков, как к этому отнесутся, ведь придется менять школу, да и твоя работа? Мне кажется она тебе очень по душе.

– Было бы здорово переехать отсюда, я об этом мечтаю четвертый год, а школу поменять сам Бог велел. Как ни крути, а дети народ жестокий: Славик не прижился ни во дворе, ни в школе. Хорошо, что с нами Миша сейчас.

Легли под утро, а уже в семь утра будильник оповестил, что мальчикам пора в школу. Накормив их нехитрым завтраком, уже в дверях обратила внимание, что оба выросли из штанишек. Пора их одевать, тем более что зима наступает. И еще Алька подумала, что ее мальчишки должны на порядок одеваться да и учиться лучше остальных, так как они, особенно сейчас, у всех на слуху, и что простительно другим, им непозволительно. Это еще одна причина переезда.

Алька никогда не была в церкви, не знала, кроме «Отче

Наш», ни одной молитвы, да и ту бабуля заставила выучить со словами, что когда-нибудь пригодится, вспомнишь ее, да не из-под палки, а душой к ней потянешься. Алька подошла к окну, закрыла глаза и, подняв к небу голову, начала читать молитву, но даже через закрытые глаза слезы ручьем текли по щекам. Она, словно в забытьи, все читала и читала, а когда очнулась, вся ночнушка на груди была мокрой. В окно пробивались первые лучики света. Еще не вступила в свои права зима, но глубокая осень отступает. Вот и в Алькиной жизни наступил переломный период. Она это твердо знала. Мамочка, спасибо тебе. Я знаю, ты всегда рядом с нами, а значит, у нас все будет нормально. Она обернулась, в дверях стояла бабуля и улыбалась. Завтракать поздно, пора бежать на работу, да еще с Татьяной встречаться в обеденный перерыв.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.